

№ 4.

Цѣна 35 коп.

В. Розановъ.

Апокалипсисъ _____
_____ **нашего времени.**

1. Правда и кривда.
2. Изъ тайствъ Христовыхъ.
3. Сынъ.
4. Солнце.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

Складъ издавiя въ книжномъ магазинѣ М. С. Блова.

1918.

Прошу *Анну Васильевну Первольфъ* указать
письмомъ свой московскій адресъ: В. В. Ро-
занову, Сергіевъ посадъ, Красюковка Поле-
вая ул., д. свящ. Бѣляева.

Правда и кривда.

„Безъ грѣшнаго человѣкъ не проживеть, а безъ святаго—слишкомъ проживеть“. Это-то и составляетъ самую, самую главную часть а-космичности христіанства.

Не только: „читаю-ли я Евангеліе съ начала къ концу, или отъ конца къ началу“, я совершенно ничего не понимаю:

какъ міръ устроенъ? и—почему?

Такъ-что Іисусъ Христосъ ужь никакъ не научилъ насъ мірозданію; но и сверхъ этого и главнымъ образомъ: „дѣла плоти“ онъ объявилъ грѣшными, а „дѣла духа“ праведными. Я-же думаю, что „дѣла плоти“ суть главное, а „дѣла духа“—такъ, одни разговоры.

„Дѣла плоти“ и суть космогонія, а „дѣла духа“ приблизительно выдумка.

И Христосъ, занявшись „дѣлами духа“—занялся чѣмъ-то въ мірѣ побочнымъ, второстепеннымъ, дробнымъ, частнымъ. Онъ взялъ себѣ „обстоятельства образа дѣйствія“, а не самый „образъ дѣйствія“,—т. е. взялъ онъ не сказуемое того предложенія, которое составляетъ всемірную исторію и человѣческую

жизнь, а—только одни *обстоятельственыя, тѣневныя, штриховыя* слова.

„Сказуемое“—это ѣда, питье, совокупленіе. О всемъ этомъ Иисусъ сказалъ, что—„грѣшно“, и—что „дѣла плоти соблазняютъ васъ“. Но если-бы „не соблазняли“—человѣкъ и чело-вѣчество умерли-бы. А какъ „слава Богу—соблазняютъ“, то—то-же „слава Богу—чело-вѣчество продолжаетъ жить.

Позвольте: что за „слава Богу“, если чело-вѣкъ (человѣчество) умеръ?

Какъ-же онъ могъ сказать: „Азь есмь путь и жизнь“? Ничего подобнаго. Ничего даже при-близительнаго. „Обстоятельственыя слова“.

Напротивъ, отчего есть „звѣзды и красо-та“—это понятно уже изъ насажденія рая чело-вѣкамъ. Уже онъ—прекрасенъ, и это есть утренняя звѣзда. Я хочу сказать, что „утрен-нюю звѣзду“ Богъ далъ человѣку въ раю: и тайнымъ созданиемъ Эдема Онъ выразилъ и вообще весь планъ сотворенія чего-то изу-мительнаго, великолѣпнаго, единственнаго, неповторимаго. Все къ этому рвется: „лучше“, „лучше“, „лучше“. Есть мѣры и измѣримость: Богъ какъ-бы изрекъ—„Я—безмѣрный, и все сотворенное мною рвется къ безмѣрности,

безконечности, нескончаемости“. А, это—понятно. „Тамъ оникъ и камень бдолахъ“ (ораѣ). Напротивъ, когда мы читаемъ Евангеліе, то что-же мы понимаемъ въ безмѣрности? Да и не въ одной безмѣрности: мы вообще—ровно ничего не понимаемъ въ мірѣ.

„И вотъ, на небѣ великое знаменіе — жена облеченная въ солнце; подь ногами ея—луна; и на головѣ ея—вѣнецъ изъ двѣнадцати звѣздъ.

„Она имѣла во чревѣ и кричала отъ мукъ рожденія“.

(Апокалипсисъ, 12).

Тутъ мы понимаемъ, что роды, именно, человѣческіе роды, лежатъ въ центрѣ космогоніи.

Библия—нескончаемость.

„Иисусъ - же сказалъ: „Есть скопцы, которые изъ чрева матеряго родились тако; и есть скопцы, которые оскоплены отъ людей; и есть скопцы, которые сами сдѣлали себя скопцами ради Царства Небеснаго. Кто можетъ вмѣстятъ это—да вмѣстятъ.

(Евангеліе отъ Маттея, 19).

Тутъ мы совершенно ничего не понимаемъ, кромѣ того, что это—не нужно.

Евангеліе—тупикъ.

Теперь: „грѣхъ“ и „святость“, „космическое“ и „а-космичность“: мнѣ кажется, что если уже гдѣ можетъ заключаться „святое“, „святость“—то это въ „сказуемомъ“ міра, а не „въ обстоятельствахъ образа дѣйствія“. Что за эстетизмъ. Поразительно великолѣпіе Евангелія: говоря о „дѣлахъ духа“ въ противоположность „дѣламъ плоти“—Христосъ черезъ это именно и показалъ, что „Азъ и Отецъ—не одно“. „Отецъ“—такъ Онъ и отецъ: посмотрите Ветхій Завѣтъ,—чего-чего тамъ нѣтъ. Отецъ не пренебрегаетъ самонаименованіемъ въ болѣзняхъ дитяти, даже въ капризахъ и своеліи его: и вотъ *тамъ*, въ Ветхомъ Завѣтѣ, мы находимъ „всяческое“. Всѣ страсти кипятъ, никакіе случаи и исключительности—не обойдены. „Отецъ“ беретъ свое дитя въ руки, моетъ и очищаетъ его сухимъ и мокрымъ, отъ кала грязнаго и отъ мокраго. Посмотрите о леченіи болѣзней, парши, коросты. Въ пустынѣ Онъ идетъ надъ ними *тѣнью*—днемъ (облако, зной), и столбомъ огненнымъ—ночью *освѣщаетъ путь*. Похитили золотыя вещи у египтянъ, и это не скрыто; ибо такъ естественно, такъ просто: вѣдь они работали на нихъ въ рабствѣ, работали—*бесплатно*.

Этимъ таинственнымъ и глубокимъ попеченіемъ о человѣкѣ, какимъ-то кутающимъ и пеленающимъ,—отличается „Отцовскій завѣтъ“ отъ сыновняго. Сынъ—именно „не одно“ съ Отцомъ. Пути физиологій суть пути космическіе,—и „роды женщины“ поставлены впереди „солнца, луны, и звѣздъ“. Тутъ тоже есть *объясненіе*, чего абсолютно лишено Евангеліе. Дѣйствительно: тутъ показано, въ видѣніи Апокалипсиса, что и луна, и звѣзды, и солнце—все для облегченія „родовъ“. *Жизнь поставлена выше всего*. И именно—жизнь человѣка. Пирамида ясна въ основаніи и завершеніи. Евангеліе оканчивается скопчествомъ, тупикомъ. „Не надо“. Не надо—самыхъ родовъ. Тогда для чего-же солнце, луна и звѣзды? Евангеліе со страннымъ эстетизмомъ отвѣчаетъ—„для украшенія“. Въ производствѣ жизни—этого не нужно. Какъ „солнце, луна и звѣзды“ явились не для чего въ сущности, такъ и роды—есть „не нужное“ для Евангелія, и міръ совершенно обезсмысливается. „Все понятно“—въ Библии, „ничего не понятно“—въ Евангеліи.

И вотъ—Престоль Апокалипсиса, посреди коего сидятъ животныя. Что за представле-

не небесъ? Но развѣ роды коровы ниже чѣмъ-нибудь родовъ женщины? Это—„пути Божіи“. Въ „оправданія всего“ Апокалипсиса—именно и лежить оправданіе Божеское, оправданіе Отцовское, и съ болячками, и съ коростами, и съ поносами, и съ запорами дитяти-человѣка. Какъ чудно! О, какъ хорошо! Славны и велики пути Твои, Господи, и славны они въ болѣзни и въ исцѣленіи. Апокалипсисъ изрекаетъ какъ-бы правду Вселенной, правду *цѣлаго*—вопреки *узенькой* „евангельской правдѣ“, которая страннымъ образомъ сводится не къ богатству, радости и полнотѣ міра, а къ точкѣ, молчанію и небытію скопчества. Воистину— „поколебались основанія земли“. Христось пришелъ таинственнымъ образомъ „поколебать всѣ основанія“ сотворенной „будто-бы Отцомъ Его“ Вселенной. И что Коперникъ на вопросъ о солнцѣ и землѣ началъ говорить, что они дѣйствуютъ „по кубамъ разстояній“,—то это совершенно христіанскій отвѣтъ. Это—именно „обстоятельство образа дѣйствія“. А „для чего они дѣйствуютъ“—это и не вѣдомо, и не интересно.

Таинственнымъ образомъ христіанство начало обходится „пустяками“. На вопросъ о

землѣ и лунѣ оно отвѣтило „кубами разстояній“, а на вопросъ о гусеницѣ, куколкѣ и мотылькѣ оно отвѣтило еще хуже: что такъ „бываетъ“. „Наука христіанская“ стала сводиться къ чепухѣ, къ позитивизму и бессмыслицѣ. „Видѣлъ, слышалъ, но не понимаю“. „Смотрю, но ничего не разумѣю“ и даже „ничего не думаю“. Гусеница, куколка и мотылекъ имѣютъ объясненіе, но не физиологическое, а именно—космогоническое. Физиологически—они не объяснимы; они именно—*неизъяснимы*. Между тѣмъ космогонически они совершенно ясны: это есть все живое, рѣшительно все живое, что приобщается жизни, гробу и воскресенію.

Въ фазахъ насѣкомаго даны фазы міровой жизни. Гусеница: — „мы ползаемъ, жрѣмъ, тусклы и недвижимы“. — „Куколка“ — это гробъ и смерть, гробъ и прозябаніе, гробъ и обѣщаніе.—Мотылекъ—это „душа“, погруженная въ міровой эфиръ, летающая, знающая только солнце, нектаръ, и—никакъ не питающаяся, кромѣ какъ изъ огромныхъ цвѣточныхъ чашечекъ. Христось-же сказалъ: „въ будущей жизни уже не посягаютъ, не женятся“. Но „мотылекъ“ есть „будущая жизнь“

гусеницы, и въ ней не только „женятся“, но—наоборотъ Евангелію—при сравнительной неуклюжести гусеницы, при подобіи смерти въ куколкѣ,—бабочка вся только одухотворена, и, не вкушая вовсе (поразительно!!—не только хоботокъ ея вовсе не приспособленъ для ѣды, но у нея нѣтъ и кишечника, по крайней мѣрѣ—у нѣкоторыхъ!!), страннымъ образомъ—она имѣетъ отношеніе *единственно къ половымъ органамъ* „чуждыхъ себѣ существъ“, приблизительно—именно Деревя жизни: растеній, непонятныхъ, загадочныхъ. Это что-то, передъ всякой бабочкою,—неизмѣримое, огромное. Это—дѣсь, садъ. Что-же это значить? Таинственнымъ образомъ жизнь бабочки указываетъ или предвѣщаетъ намъ, что и души наши послѣ гроба-куколки—будутъ получать отъ нектара двухъ или обоихъ божествъ. Ибо сказано, что сотворена была Вселенная отъ *Элогимъ* (двойственное число Имени Божія, употребленнаго въ рассказѣ Библии о сотвореніи міра), а не отъ *Элоахъ* (единственное число); что божествъ—два, а не—одно: „по образу и по подобію которыхъ—*мужемъ и женою сотворилъ Богъ и человека*“.

Мотылекъ — душа гусеницы. Solo - душа, безъ привходящаго. Но это показываетъ, что „душа“ — не нематерьяльна. Она — осязаема, видима, *есть*; но только — *иначе*, чѣмъ въ земномъ существованіи. Но что-же это и какъ? Ахъ, наши сны и сновидѣнія иногда реальнѣе бодрствованія. Гусеница и бабочка показываютъ, что на землѣ мы — только „крѣмь“; а что „тамъ“ будетъ все — полетъ, движеніе, камедь, мурра и феміамъ.

Загробная жизнь вся будетъ состоять изъ свѣта и пахучести. Но именно — того, что ощутимо, что физически — пахуче, что плотски, а не безплотно — издаетъ запахъ. Не безъ улыбки можно отвѣтить о „соблазнахъ *міра сего*“, что въ нихъ-то и „течетъ“, какъ-бы истекаетъ изъ души вещей, изъ энтелехіи вещей — уже теперь „жизнь будущаго вѣка“; и что вкусовая и обонятельная часть нашего лица, и вообще то наиболѣе прекрасная и „небесная“, именно и прекрасна отъ очертаній губъ, рта и носа. „Что за уродъ, въ комъ нѣтъ носа и губъ“, или есть въ нихъ поврежденіе, и даже просто — некрасивая линія. Апокалипсическое въ насъ — улыбка. Улыбка — всего апокалипсичнѣе.

Радость, ты—искра небесъ, ты—божественна,
Дочь египетскихъ полей...

Это—не аллегорія, это—реальная, точнѣе—это поуменальная правда. „Хорошо соблазняться“ и „хорошо быть соблазняемымъ“. Хорошо, „черезъ кого соблазнъ входитъ въ міръ“: онъ вноситъ край неба на плосковатую землю. Загадочно, что въ Евангеліи ни разу не названо ни одного запаха, ничего—пахучаго, ароматнаго; какъ-бы подчеркнуто расхожденіе съ цвѣткомъ Библии—„Пѣсню пѣсней“, этою пѣснею, о которой одинъ старецъ Востока выговорилъ, что „все стояніе міра не достойно того дня, въ который была создана *Пѣсня пѣсней*“. И вотъ, Евангеліе такимъ образомъ представляетъ „эту“ и „будущую жизнь“ совсѣмъ наоборотъ: „пути“-то жизни, насколько они *физиологическіе пути*, и есть *главное и небесное* (Престоль Апокалипсиса); это есть „подлежащее“, которое „оправдалось“.

А тотъ „путь жизни“, „жизнь *духа*“—есть „обстоятельный путь“, проводимый въ праздности, эстетикѣ и разговорахъ...

И долго на свѣтъ томилась она
это—земная жизнь гусеницы, ползающая и жрущая...

Желаніемъ чуднымъ полна

это—мотылекъ, бабочка, утопающая въ эфи-
рѣ, въ солнечныхъ лучахъ. Того самого Солн-
ца, которое „и со звѣздами и съ луною“—
только „окружаетъ роды женщины“.

И пѣсенъ любви замѣнить не могли

Ей скучныя пѣсни земли.

И—никакого „ада и скрежета зубовнаго“
тамъ, а —собираніе нектара съ цвѣтовъ. За
муки, за грязь и соръ и „землеѣденіе“ гусе-
ницы, за гробъ и подобіе,—но только *подобіе*
смерти въ куколкѣ,—душа возстанетъ изъ
гроба; и переживетъ, каждая душа пережи-
ветъ, и грѣшная и безгрѣшная, свою невы-
разимую „пѣсню пѣсней“. Будетъ дано ка-
ждому человѣку по душѣ этого человѣка и
по желанію этого человѣка. Аминь.

Изъ таинствъ Христовыхъ.

„Не бо врагомъ Твоимъ тайну повѣмъ, ни
лобзанія Ти дамъ яко Іуда...“

Какъ это сказано... О, какъ сказано... И чу-
дятся какія-то дѣйствительно страшныя тай-

ны за сказавшимъ такъ, или, особенно, за увидѣвшимъ что-то...

Сынъ.

Чтобы сынъ родился—нужно допустить какой-то *недостатокъ* въ отцѣ. Отецъ—это такъ **полно**. Отецъ—это **все**. Отецъ—это Солнце и душа и правда солнца. Вездѣ лучи Его до концовъ Вселенной. Отецъ, и—**кончено**.

Что-же значить, что **Сынъ родился**? Только если Отецъ въ чемъ-то *недо*творилъ? Или можетъ быть онъ не научилъ или недоучилъ? Но и „нравственный законъ“ онъ уже принесъ (на Синаѣ). Вовсе не одно сотвореніе „глыбъ“, „солнца и луны“, и „свѣта“ и „ночи“. Что-же? Какъ-же?

Нельзя понять иначе, какъ заподозривъ отца въ *недостаткѣ* и *полнотѣ*. „Отецъ—это еще не **все** и не **конецъ**“.

Ну,—тогда понадобился и Сынъ.

Солнце.

Живетъ-ли Солнце?

Вотъ самое загадочное,—и даже единственно загадочное,—о немъ.

Всѣ рѣшительно ученые, до одинаго всѣ, отъ Лапласа до гимназиста, убѣждены, что оно „конечно — не живетъ“; что оно есть „предметъ“...

Но почему не гаснетъ?—„Погаснетъ“. Но вѣдь времени было довольно, чтобы погаснуть. Довольно-ли?? О, кажется...

„Отъ него жизнь на землѣ“. Отъ него-ли? Повидимому. Живое отъ механическаго? Странно. „Да. Но такъ учать атомы“. „Они всѣ стучать“.

Ну, а если оно „живетъ“? Тогда 1-ая мысль кидается къ Христу. „Значить, Ты—не богъ“. Странно.

„Солнце живетъ“. Допустимъ эту гипотезу. Допустимъ не какъ фразу, а какъ дѣйствительность. Но какъ-же оно живетъ? „Въ такомъ огнѣ?“—Въ такомъ огнѣ прекращается жизнь. И, если-бы такъ, то значило-бы, что для „жизни“ предѣловъ температуры нѣтъ.

Странно.

Нѣтъ, повидимому—„не живетъ“. „При такой горячности—все скипнеть, сварится“.

Имѣеть-ли оно душу—вотъ вопросъ. „Что будетъ съ душой при очень высокой t^0 “?

Невѣдомо.

Почему планеты движутся около солнца? Почему не „стоятъ“ около солнца? „Тогда-бы упали“. Ну, и „упали“—ничего. „Мала куча“.

Все-же въ „движеніяхъ планетъ“ и въ самомъ „солнцѣ“ наука ничего не понимаетъ, даже раз-наука. И Лапласъ понимаетъ столько-же, сколько гимназистъ.

* *
*

Да, еще: что заключается внутри чего, солнечная система заключается внутри Евангелія, или Евангеліе заключается внутри солнечной системы?